
Органические категории

(По поводу статьи г. Эдельсона
Идея организма. Библиотека для Чтения.
1860 г. № 3)

Н. Н. СТРАХОВ

Слова: организм, органический, развитие и пр. непрерывно встречаются в настоящее время. Почему они употребляются и что они означают, – это вопросы, на которые не всякий употребляющий их может отвечать отчетливо. Как на попытку ввести сознательное употребление указанных категорий в одну из областей литературы, именно в область критики, можно указать на замечательную статью г. А. Григорьева¹: *Взгляд на критику* (Библиотека для чтения, 1858 г. № 1). В ней автор старается разъяснить понятие *органической* критики. Не говоря о всех других достоинствах этой статьи и тем менее имея в виду оценить всю критическую деятельность г. А. Григорьева, заметим только, что статья представляет правильное стремление дать приемам критики жизненную подвижность. Г.А. Григорьев смотрит на литературу как на живую силу, которою управлять никому не дано, которую нельзя подводить под готовые понятия, но нужно понимать и истолковывать из нее самой.

Статья г. Эдельсона, которую мы указали в заглавии, говорит о том же предмете, но в самом обширном объеме. Притом направление ее совершенно другое. Автор старается доказать, что стремление подвести явления под понятия, входящие в идею организма, под органические категории, могут произвести одни заблуждения и, между прочим, пророчит заблуждения и г. Григорьеву, столь ясно высказавшему свои стремления. Таким образом статья г. Эдельсона ставит вопрос в самом общем философском смысле, и с этой-то общей стороны я желал бы с подобающею скромностью и смелостью рассудить об этом важном предмете. Замечу в скобках, что скромность состоит в том, чтобы показывать ясно основания своих суждений, а смелость в том, чтобы судить о предметах самостоятельно, как бы они важны ни были.

С самого начала видно, что г. Эдельсон имел очень низкое понятие о том, что он называет *идеями*. Уже ссылка на Либиха², говорящего о долговечности идей, указывает на то, что под идеею здесь разумеется что-то очень неопределенное, почти то же, что французы называют *une idée*, то есть все что вам угодно, всякое понятие, пред-

ставление, предположение и т.д. Но всего яснее понижается *идея организма* тем происхождением, которое дает ей автор. Происхождение есть дело первой важности, потому что уже по нем можно судить и о самой идее. Г. Эдельсон говорит, что идея организма дана естественными науками.

При этом случае он даже хвалит естественные науки, и хвалит совершенно справедливо. Тем не менее нельзя не видеть, что органические категории унижены таким происхождением.

На самом деле для того, чтобы происхождение идеи от каких бы то ни было частных наук не было для нее унижением, нужно самые науки рассматривать как одну из сторон развития человеческого духа вообще, нужно указать глубочайшие корни самых наук. Но тогда будет ясно, что идея коренится в духе человека вообще, а не в каком-нибудь частном знании. Если так смотрел на это дело г. Эдельсон, то он неизбежно и указал бы такие основания органических категорий. Поэтому и ясно, что он смотрит на дело совершенно иначе, то есть не дает глубоких оснований идее организма.

Известно на самом деле, как нередко смотрят на историю наук. В историю философии Гегель внес начало строгого органического развития, но на историю других наук оно не успело еще распространиться. Послушайте какие-нибудь академические речи и прочтите обзоры движения хотя бы тех же естественных наук. Тысячу и тысячу раз повторяется там, что открытия делаются случайно, что все зависит от личных усилий, покровительства сильных, военных и других обстоятельств. Содержание же наук, их идеи выводятся прямо из накопления фактов. С тех пор как люди явились на земле, они все замечают, наблюдают, передают это потомкам, так что масса наблюдений растет все больше и больше и их-то сочетания и составляют идеи. Так составила и идея организма.

Между тем не так происходят идеи, не механически составляются они, но рождаются органически. Как лучшее доказательство можно привести то, что г. Эдельсон впал в крайнюю ошибку, производя идею организма из естественных наук. Казалось бы, науки об организмах и должны были дать идею организма, а между тем несомненно известно, что этого нет. Даже напротив, натуралисты всеми силами вооружаются против тех самых категорий, которые входят в идею организма. Они славятся тем, что изгнали из своих наук понятие *цели* и, следовательно, всякой целесообразности, что уничтожили понятие *потенции*, которое являлось у них под формою жизненной силы, что не признают *совершенствования*, например отвергают большее или меньшее совершенство организмов и т.д. Вообще, натуралисты не признают ничего, что бы собственно можно было назвать органическим; в тысячах книг, с тысячи кафедр они проповедают, что они надеются, что они ожидают как лучшего результата своей деятельности – возможности *свести все явления организмов на химические и физические явления, то есть именно на механические явления*, на явления прямо противоположные органическим.

Таким образом, и натуралисты лопочут не об чем другом, как об идеях, но их понятия, их категории, под которые они желали бы подвести мир – механические. Так, например, они всюду видят *причины* и *действия*, элементы и сложные явления, неизменную сущность, как атомы или просто вещество, и несущественные перемены, как движения атомов и т.д.

Очевидно, и эти категории, столь простые, столь общие и обыкновенные, никак нельзя считать исключительною принадлежностью и произведением исследований природы. Причина, почему эти категории приобрели господство, причина самого исследования природы лежит глубже. Первый, кто сознательно противопоставил природе духу, кто поэтому хотел построить всю ее механически, был Декарт.

Приведу здесь один случай, который показывает, как далеко он предупредил натуралистов. Сто лет спустя после Декарта, жил и писал гениальный натуралист, Каспар Фридрих Вольф³. Он занимался развитием зародыша и, разумеется, глубоко понимая дух исследования природы, искал механического построения этого развития. К удивлению, у своих предшественников он не нашел ни одной черты такого построения; он

нашел там только гипотезы, прямо противные искомому объяснению. Каково же было его удивление, когда у Декарта он встретил полное механическое объяснение развития! "Это объяснение, пишет Вольф, совершенно ложно, но оно именно *такое*, какого нужно искать". Замечу, что сам Вольф не был счастливее Декарта; и его объяснение оказалось совершенно ложным, но натуралисты до сих пор ожидают и ищут такого же, то есть чисто механического объяснения.

Механические категории господствуют и донныне с большою силою и не только в естественных науках, но и во всех областях знания. На них опирается то учение, что даже в человеческом мире все зависит от обстоятельств, от предшествовавших влияний, от среды, что с человеком и с целым народом можно поступать так, как мы поступаем с камнем и металлами, то есть сделать из них то, что пожелаем сделать.

Откуда же и как явились органические категории? Почему во всех образованных литературах, простой совокупности частей противопоставляют *органическое целое*, простой связи частей – *органическую связь*, простым переменам – *органическое развитие* и т.д.

Припомню здесь замечательную статью г. Гилярова⁴ в прошлогодней Русской беседе о движении *рационалистической философии*.

В ней он осуждает наплыв в наш литературный язык терминов Шеллинговой и Гегелевой философии, осуждает на том основании, что термины эти употреблялись без точного понимания их смысла, именно выражали понятия такой философии, которую авторы, если бы они ее знали, никак не признали бы истинною. С тою чуткостью, которая возбуждается противоположными убеждениями, г. Гиляров находит, что даже такие выражения – *наука стремится, искусство требует*, с полным правом могут быть употребляемы только приверженцами немецкой философии.

Разумеется такое бессознательное, но всепроникающее влияние философии может быть осуждаемо только ее противниками; для приверженцев оно явный знак ее силы, ее постепенного преобладания. Нет сомнения, что это неодолимое и неизбежное влияние усиливается с каждым днем; всюду проникает новое мирозерцание: если не говорить о древних, а только о новой эпохе, то можно сказать, что органические категории явились в мир человеческих идей именно из этого источника, из немецкого идеализма.

А этот источник глубок неизмеримо. Немецкий идеализм порожден не только английским скептицизмом, но и реформациею, не только догматизмом Декарта, Спинозы и Лейбница, но и великою революциею; он есть полнейшее проявление новой истории, нового европейского духа.

В Декарте, как известно, ум человеческий признал свою самостоятельность, свою *органическую* самобытность. Следствием этого признания было развитие двух великих мирозерцаний – пантеизма Спинозы и индивидуализма Лейбница. С Канта начинается новый период. Ум человеческий обращается сам на себя и исследует свой собственный процесс развития, свое внутреннее движение. Природа ума, законы, которым он подчинен, границы, в которых действует, словом все, что его определяет и потому как бы стесняет, все это озаряется мышлением и с тем вместе как бы растворяется, изглаживается. Мысль наконец вполне овладевает собою; движения ее становятся совершенно сознательными; ум получает полную свободу. Это освобождение совершалось в Гегеле – и мы живем в эпоху, когда эта свобода должна принести свои плоды.

Процесс своего развития ум перенес на природу и на всю область знания. Нет более органического единства, как единство мышления; между явлениями не может быть связи более органической, как связь между явлениями мысли; никакое развитие не может происходить более органически, как умственное развитие и т.д.

Так как мы ничего не можем понимать иначе, как посредством идей, или лучше категорий, и так как понимание тем глубже, чем выше категории, под которые мы подводим явления, то понятно, что теперь мы стараемся все понимать посредством самых высших наших категорий, то есть категорий органических.

Тот, кто понимает только механическую связь, тот и будет искать только такой связи между явлениями и будет удовлетворен, когда найдет ее. Но если у нас есть понятие о другой связи, о более глубоких отношениях между явлениями, то мы не удовольствуемся одною механическою связью, а будем искать высшей, органической.

Органические категории вовсе не суть понятия отвлеченные от организмов; напротив – натуралистам еще придется внести их в свое изучение органической природы. А почему организмы суть существа, в которых как бы воплощаются высшие категории – это совершенно ясно; потому что организмы суть высшие существа природы и высший организм есть сам человек, микрокосм, мера вещей, самое сложное и самое цельное из всех явлений. Но не организмы произвели органические категории; они не заключают их в себе, а только подчиняются им.

Поэтому какие бы мы явления ни взяли, мы имеем полное право подводить их под органические категории точно также, как имеем право находить в явлении части и целое, причины и следствия, перемены и сущность, которая подвергается этим переменам и т.д.

Предмет, как видите, касается самых важных вопросов, и цель моя была именно показать, что он их касается. Потому что только таким образом можно понять, почему теперь преобладают категории, о которых мы говорим.

У г. Эдельсона это остается совершенно непонятным. Организмы встречались человеку с глубочайшей древности; отчего же спрашивается, идея организма с особенною силою появилась только в наш век? Потом – несмотря на то, что г. Эдельсон называет эту идею светлою, плодотворною, великою и т.д., никак не видно, почему же она может применяться к разнороднейшим явлениям? По мнению г. Эдельсона, это применение ведь есть не что иное, как сравнение, уподобление одних явлений другим. Как бы ни хороши были органические явления сами по себе, очевидно, если мы только ради красоты этих явлений станем все другие сравнивать с ними, то из этого выйдут натяжки, тысячи невероятностей и все это будет пустою игрою фантазии. Таким образом, не указав настоящего происхождения идей организма, г. Эндельсон никак не мог объяснить и ее значения, и ее плодотворного влияния. А отсюда и понятно, почему и сам он отвергает наконец употребление органических категорий, почему и г. Григорьеву не советует держаться их в критике.

Опять приходит нам на память один пример из истории естественных наук, как мне кажется, прекрасно поясняющий наш вопрос. Всем известно имя Кеплера, великое имя, которого слава конечно останется неизменною, пока только науки будут существовать на земле. Кеплер открыл законы движения планет. Открытие было не случайное, хотя было сделано ощупью; именно Кеплер был непоколебимо убежден, что есть правильные, точные законы в движении планет, и он неутомимо искал этих законов в течение целых десятков лет своей бедственной жизни. Эти изыскания сопровождались, однако же, у Кеплера странными мечтами. Он сам не знал, какой гармонии, какой стройности он ищет в планетной системе. Поэтому он прибегал к сравнениям, хотел в планетах найти такой порядок, такую красоту, которая была ему известна в других предметах. Например, он искал отношений между планетами и тонами музыки или правильными геометрическими знаками. То, что он нашел, было вовсе не похоже на его предположение.

Не то же ли самое будет, по мнению г. Эдельсона, и с идеею организма? По его мнению, мы также бесполезно ищем отношений между органическими и другими явлениями и также должны ожидать, что в явлениях откроются другие законы, а не те, которые предполагаем.

Вторая половина статьи г. Эдельсона посвящена именно доказательству неизбежности этой ошибки. Само собою понятно, что так как автор не видит настоящего происхождения и не знает настоящей силы идеи организма, то он и не мог с нею бороться удачно. На самом деле, ведь эта идея для него только мечта, неудачное уподобление, увлечение; да и вообще идеи суть для него не более, как мечты. Поэтому он не сража-

ется против нее идеями, но употребляет другое оружие – он многократно увещевает бросить мечты и обратиться к действительности, к фактам.

Странная мечта, не правда ли? Очевидно, автор, желая уйти из мира идей, сам, не замечая, перешел только в другую идею, более бледную и пустую. Ваша действительность, г. Эдельсон, есть ваша идея. Каким образом вы меня уверите вообще, что эта идея, что действительность не согласна с идеєю организма? Вы должны что-нибудь внести в вашу действительность, как-нибудь определить ее, вы должны дать об ней более полную идею, для того чтобы можно было судить об ней.

Г. Эдельсон просто остановился на противоположности между идеями и действительностью. Его определение действительности, я думаю, будет именно такое, что действительность не согласна с идеями, не подчиняется идеям. Такова мне кажется *его идея*.

Конечно, такая разрушительная идея, уничтожающая значение всех идей, может разрушить и идею организма. Но автор не выставляет ее ясно, не борется за нее прямо и потому вся часть его статьи, направленная против органических категорий, страдает совершенно неясностью. Он ссылается, по-видимому справедливо, на частные явления, на действительные факты, а между тем никак нельзя составить себе понятия, в чем же состоит недостаток идеи организма, даже по его мнению.

Заметьте, как здесь явно обнаруживается природа идей; они требуют для своей борьбы также идей, а не чего-нибудь другого. Для того чтобы самый частный факт противоречил идее, нужно самый факт возвести в идею; факт должен мне представлять некоторый недостаток идеи, следовательно, нечто общее, а не частное.

Но так как г. Эдельсон дает органическим категориям слишком узкое и неправильное значение, то его нападения не только не имеют целостности и органического единства, но и вовсе несправедливы. Посмотрите, например, в чем он упрекает историков, следующих идеи организма.

"Между тем как истинно серьезные умы стараются отыскать особенную физиономию своего народа, найти ключ к разгадке каждого явления на основании общего тока истории, стремятся, одним словом, к познанию самих себя в своем прошлом; между тем как в жизни своего народа они стараются исследовать, когда именно и в чем народ действительно успевал, одним словом, видят в истории предмет, еще подлежащий изучению и только при таком пристальном и беспристрастном изучении, обещающий богатые плоды, – для школы, величающей себя историческою, нет никаких затруднений: прежде все было хуже, со временем все делается лучше, вот единственное положение, с которым она приступает и которым оканчивает свои исторические исследования".

Не правда ли, как трудно здесь разглядеть точку опоры, на которой держится выражение? Неужели оно направлено против идеи организма? Нельзя обвинить эту идею в таком одностороннем понимании совершенствования; напротив, понятие об органическом развитии народа тем и хорошо, что исключает всякую возможность односторонности. В организме может быть и болезнь, и упадок сил, и уродливость; с другой стороны, организм в каждую свою эпоху представляет полное целое, существо вполне живое, заключающее в себе само то, что обнаружится в дальнейшем развитии. Следовательно, рассматривая народ как организм, мы в каждую эпоху его жизни должны искать в нем неизмеримо глубокого содержания, и при этом ничто не дает нам право судить заранее о том, когда развитие шло хорошо и когда дурно.

Многое можно было бы сказать по этому случаю; но дело и без того ясно. Очевидно, что понятие о совершенствовании человеческого рода, против которого ратует г. Эдельсон, есть вовсе не органическая категория, но чисто механическая. Именно совершенствование представляют себе как следствие *накопления* познания, фактов, опытов. Разумеется, накапливающаяся *масса* (не органическое целое) должна возрастать вместе со временем, и, следовательно, нет сомнения, что позднейшие времена непременно мудрее и лучше предыдущих.

Вообще совершенно неправильно рассматривать органические категории как какие-то заранее составленные образы или мнения, к которым мы потом стараемся при-

гнать все, что нам ни встретится. По самой сущности категорий такое представление об них неверно. Положим, вы основываетесь на том, что всякое явление имеет свою причину, и стараетесь открыть причину какого-нибудь явления. Вы можете тысячу и тысячу раз ошибиться в ваших исследованиях и считать причиной явления то, от чего оно вовсе не зависит; но разве можно сказать поэтому, что виною вашей неудачи самое понятие причины, что вы впали в заблуждение только потому, что все желали подвести под мнение, составленное заранее, именно, будто не бывает явления без причины? То же самое должно сказать обо всех категориях, или идеях, как их называет г. Эдельсон. Они нисколько не виновны в том, если их дурно прилагают, если под них подводят не те явления, какие следует. Категории от этого не теряют своей истинности и существенности. Так точно, если кто дурно выражает свои мысли, то в этом виноват не язык, на котором он говорит, а только сам говорящий. Язык же остается по-прежнему богатым и гибким, именно язык вообще.

Существенный недостаток статьи г. Эдельсона происходит именно от того, что он принял органические категории не за категории, а за какие-то частные, особенные представления, что он предполагает в них какие-то положения, тогда как они представляют чистые понятия. Таким образом, вопрос об идее организма приводит нас к вопросу о категориях вообще. В настоящем случае я ограничусь только предыдущим частным разбором мнений г. Эдельсона; вся цель моя была показать, что, понимая категории не как категории, а как-нибудь иначе, нельзя не впасть в ошибочные мнения. Я старался пояснить это из самой природы категорий.

Тем не менее статья г. Эдельсона есть явление весьма приятное. Вопрос поставлен в ней весьма отчетливо и значение его выставлено в полной своей важности. Наши заключения, хотя и различные, представляют однако же и сходство. Г. Эдельсон говорит: "берегитесь роковой формулы! Не суживайте заранее своего взгляда; употребляя слова организм, органический, организация – смотрите, куда вас это ведет". А я скажу: органические категории имеют глубокий корень и глубокий смысл; взгляд не сузится от наших слов, если только они употребляются в настоящем их значении. Таким образом, и у меня, как и у г. Эдельсона, главное составляет требование – чтобы мыслящие люди уяснили себе надлежащий смысл слов, которые они употребляют. Беспристрастное употребление слова *организм* указывает на необходимую потребность в точном понимании этого слова и всех тех речений, с которыми оно *органически* связано.

Неужели те, которые пишут или говорят, не знают смысла ими употребляемых слов? Вот вопрос, который, мне кажется, легко возникает у многих. Между тем сомневаться здесь нет никакой возможности. Смысл слов глубок неизмеримо. Я говорю здесь не об одних органических категориях, но вообще о языке, о словах самых обыкновенных и по-видимому простых. Позволю себе высказать здесь несколько соображений об этом предмете, так как он представляет только общую сторону того же вопроса, о котором мы говорили до сих пор.

Язык представляет явление неисчерпаемо глубокое; кто знает это, тот никогда не предположит, что всякий говорящий на известном языке, вполне обнимал его содержание. Даже напротив, никто из говорящих и пишущих не имеет права сказать, что он вполне обладает языком, что он стоит наравне с ним и может сказать все то, что может выразить язык. Вся поэзия, вся сила мысли какого-нибудь частного лица – совершенно ничтожны в сравнении с тою необъятною поэзиею и безграничною силою мысли, которая воплотилась в языке. Укажу на самое простое явление – на музыкальность речи. Очевидно, что звуки слов не зависят от писателя, а прямо даются ему языком; строй слов точно также определен заранее; а между тем, нет предела музыкальности, которую можно извлечь из этих слов и этого строя. Так что язык есть инструмент бесконечно совершенный, на котором может быть исполнена какая угодно музыка. Следовательно, та музыка, которая создала язык и живет в нем, несравненно выше всевозможных мелодий наших поэтов. Мы же в наших речах и писаниях очень часто похожи на детей, бестолково барабаниющих по клавишам драгоценного рояля.

То же самое должно сказать об языке и в других отношениях, например в отношении к философии. Философское мышление развивается редко; в своем чистом виде оно проявляется отрывочно и односторонне; дух человеческий обыкновенно развивается в другие формы и живет в мире религии, поэзии, живых привязанностей и страстей. Между тем язык представляет формы не только для выражения этих проявлений, но и для чистого философского мышления. Так что если сравнить в этом отношении содержание языка с мышлением какого-нибудь частного человека, то обнаружится неизмеримая разница.

В языке существуют слова, которых глубокое значение остается для многих навсегда закрытым; возьмите, например, слова – *жить, время, сила, мир* и т.п. Каждое из этих и подобных слов имеет чрезвычайную стойкость, полную определенность, а между тем содержание их обыкновенно вовсе не бывает приведено в сознание. Таким образом, язык составляет бессознательно такие отвлечения, такие понятия, в которых можно выражать глубочайшие философские соображения. Напрасно иногда думают, что философы, употребляя слова простого языка, дают им особый смысл, несогласный с обыкновенным. Философы только стараются привести в сознание то же самое, что в языке творится скрытою силою духа.

Язык можно рассматривать как всеобъемлющую систему понятий, как стихию, в которой мышление может свободно двигаться по всем направлениям. Развитием языка бессознательно управляет высокое философское творчество.

Так называемое образование весьма часто страшно суживает и уродует мышление. На самом деле до тех пор, пока человек сохраняет простодушные верования, пока мир его души творится без вмешательства сознательного мышления, до тех пор язык представляет ему неисчерпаемую сокровищницу понятий; слова или понятны говорят душе, или остаются какими-то таинственными символами, перед которыми он сохраняет должное уважение. Но является сознательное мышление, и весь этот богатый и прекрасный мир рушится и исчезает; остаются немногие обломки, на которых цепко укрепляется мысль, чтобы опрокидывать все остальное. Тогда наступает то *яростное тупоумие*, о котором нередко упоминает А. Григорьев. Можно убедиться на опыте, что есть, например, люди, чье мышление почти совершенно ограничивается двумя понятиями – *причины и действия*. Все, что ни входит в их мысли, они подводят под эти понятия; в этом полагают всю цель мышления и всякое другое мышление почитают полнейшею нелепостью.

Со словами должно обходиться осторожно и смотреть на них уважительно. Органические категории, вошедшие в язык всемирной литературы, уже по этому самому должны быть объясняемы органически, как неизбежное развитие мышления, а не механически, как это сделал г. Эдельсон.

В первом номере Современника 1860 г. есть статья *Капитал и Труд*. Между многими весьма любопытными вещами там есть также любопытный случай отвержения чрезвычайно простых категорий. Автор встретил у одного из своих противников разделение некоторых явлений на *естественные и искусственные*. Положим, что разделение было неудачно; но что же делается для его опровержения? Отвергаются самые понятия естественного и искусственного. Это, говорит автор статьи, одни слова, фразы; все происходит естественным образом и, следовательно, нельзя одно называть естественным, а другое искусственным.

Вот маленький образчик того, что в большом виде представляет статья г. Эдельсона.

Как я сказал, Гегелева философия есть завершения того мышления, которое стремится к *органическому* пониманию вещей. Не могу не заметить здесь, что сам Гегель представляет наилучший образец органического развития; его мышление бесчисленными корнями вращалось в действительность. Чтобы убедиться в этом, стоит взглянуть на то, что сделал Гегель и сравнить это с тем, что произвел великолепный Шеллинг.

В книге Гайма⁵: *Гегель и его время*, можно найти многие подробности весьма любопытного факта. В то время, когда Шеллинг в полном блеске молодости натурфилосо-

софствовавший и быстро шел вперед, не обращая внимание на то, что оставалось позади, Гегель скучал над вопросом, по-видимому (но только по-видимому) не современным, он усиленно работал над *историческим происхождением и значением христианства*. Трудно не согласиться, что здесь видна страшная связь с почвой, что действительность для этого мышления имела огромное значение.

Затем Гегелю же принадлежит органическое понимание философии. Если свою систему он считал завершением философии, то не забудьте, что такое положение было возможно только на основании полного восстановления, полного воскрешения всех других систем.

От этого и имя Шеллинга Гегель произносил всегда с великим уважением, как того, кто произвел последний переворот в философии. Посмотрите теперь, какой анти-исторический ход имеет деятельность Шеллинга. Без боя уступивши Гегелю единодержавную власть, он по смерти его приходит на кафедру и говорит: все, что хорошо у Гегеля, это мое, а все что ему принадлежит – ложь, ошибка.

Наконец не Шеллингу, а Гегелю же принадлежит и то важное признание языка, о котором я говорил выше. Для Гегеля, для его немецкой мысли не было лучше языка, как немецкий; он старался слить свое философское мышление с проявлением народного духа.

В заключение, чтобы показать, как верно в Гегелевой системе понимаются органические категории, я приведу слова Куно Фишера⁶, Гегельянца, сколько могу судить, вполне верного великому учителю. Сила, так сказать, наиболее органическая есть мысль; поэтому лучший образчик организма можно найти в каком-нибудь проявлении мысли, например в логике Гегеля. Движение мысли, то есть жизнь этой логики, есть диалектика и представляет собою органическое развитие. Вот как излагает это развитие Куно Фишер:

"Каждое *развитие* представляет *ряд*, которого члены следуют один за другим. Эти *члены* не суть, однако же, различные, разнородные субъекты, которые только внешним образом располагаются один возле другого. Подобное возлеположение не есть развитие. Ряд развития всегда образуется *одним и тем же субъектом*, который, следуя порядку членов, все более и более сам себя производит; таково, например, естественное происхождение какого-нибудь организма, такова история какого-нибудь народа. Каждый член такого ряда представляет поэтому один и тот же субъект на различных степенях развития. Эти члены не суть соподчиненные виды, но последовательные степени".

"И так развитие есть *ряд степеней*, и притом *совершенствующийся* ряд, потому что степени находятся друг ко другу в отношениях *низших и высших* степеней и переход от низших к высшим составляет *прогресс*. Этот прогресс производится *изнутри*; степени не только следуют одна за другой, но одна *из* другой; высшая есть результат низшей, или низшая производит из себя высшую. Поэтому прогресс развития состоит в *произведении* (как бы рождении), и так как основание этого произведения лежит в самом субъекте развития, то развитие *есть имманентное произведение или самосовершенствующееся самосозидание*. Поэтому развитие не может быть производимо или управляемо извне, но сила и закон его созданий имеет основание в нем самом. Возбуждение и управление извне должно считать произвольным и преходящим действием, так как понятие развития заключается в совершенно *необходимом* или *имманентном порождении*".

Из этого отрывка г. Эдельсон может видеть, что органические категории и развились, и могут быть вполне оправданы только в Гегелевой логике. Прибавлю еще положение, которое тот же Гегельянец делает как разрешение антиномии между временным и вечным.

"Процесс развития разума бесконечен по времени, но не по понятию; потому что разум, развиваясь, только производит сам себя в последовательном творчестве и, следовательно, познавая себя, остается сам при себе".

Вот те замечания, которые возбудила во мне статья Эдельсона. Легко видеть, что они неполны и отрывочны; но, по крайней мере, я старался ясно выразить противоположность наших взглядов. Такая противоположность необходимо ведет к самым разнообразным вопросам. Очевидно, например, мы с ним не согласны в вопросе о категориях вообще, а этот вопрос влечет за собою вопрос о логике и познании вообще. Следовательно, можно было бы долго еще говорить и все-таки не кончить.

1860 г. 12-го Мая.

Примечания

¹ Аполлон Александрович Григорьев (1822–1864) предложил концепцию "органической критики", которая позволяла ему судить, кто из современников – писателей и драматургов – станет классиком, а кто, при всей своей популярности, окажется "однодневной бабочкой".

² Юстус Либих (1803–1873) – знаменитый немецкий химик.

³ Каспар Фридрих Вольф (1734 Берлин – 1794 Петербург) – знаменитый анатом и физиолог, один из основоположников учения об индивидуальном развитии организма – онтогенезе.

⁴ Никита Петрович Гиляров-Платонов (1824–1887) – оригинальный русский философ, публицист, издатель.

⁵ Рудольф Гайм (1821–1901) – известный немецкий историк литературы и философии, политик, публицист и педагог. "Hegel und seine Zeit" (1857) – лекции о первоначальном возникновении, развитии, сущности и достоинстве философии Гегеля. На русском был сделан сокращенный перевод Соляникова в 1860 г.

⁶ Главное произведение Куно Фишера (1824–1907), десятитомная "История новой философии" (1852–1877), было переведено на русский язык в 1901–1909 гг. и вышло в 8-ми томах (первые четыре – под редакцией Н.Н. Страхова).

Публикация и комментарии О.Д. Маслбоевой